Тимохин Евгений Анатольевич

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКОГО СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.): ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ТРАКТОВКА ПО ДАННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья раскрывает некоторые особенности деятельности служилого населения Западной Сибири в первой половине XVII в., интерпретирует их с точки зрения законодательства изучаемого периода. Основное внимание в работе автор акцентирует на соотношении юридических норм и положений в различных законодательных документах, которые определяли характер деятельности служилого человека в военно-дипломатической, военно-административной и административно-хозяйственной сферах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 196-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)

Статья раскрывает некоторые особенности деятельности служилого населения Западной Сибири в первой половине XVII в., интерпретирует их с точки зрения законодательства изучаемого периода. Основное внимание в работе автор акцентирует на соотношении юридических норм и положений в различных законодательных документах, которые определяли характер деятельности служилого человека в военно-дипломатической, военно-административной и административно-хозяйственной сферах.

Ключевые слова и фразы: служилое население Западной Сибири XVII в.; правовое поведение; статичность и динамичность правового поведения; признаки правового поведения; «роспрос»; «допрос»; роспросные речи; царская грамота; колонизация.

Евгений Анатольевич Тимохин
Кафедра философии и истории
Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева
doc2093@list.ru

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКОГО СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.): ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ТРАКТОВКА ПО ДАННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА©

Служилое население Сибири – одна из категорий русского населения, составлявшего опору царской администрации на колонизируемых территориях сибирского субконтинента в XVII в. Как отмечает В. Д. Пузанов, в «конце XVI - XVII в. служилые люди были фактически единственной крупной группой русского населения на севере Тобольского разряда» [24, с. 25]. Данная категория была достаточно внутренне дифференцирована. Как отмечает Н. Н. Оглоблин, именно казаки, которые и были одной из основных категорий служилого населения, вынесли «на своих плечах все дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти» [21, с. 104]. Вместе с тем перенос государственности предполагал не только перенесение общероссийского законодательства на новую почву, но и выстраивание определенной логики его функционирования с учётом местной сибирской специфики. В системе законодательных норм необходимо было выстроить определенную последовательность введения новых норм, отмены старых, либо сочетания и тех, и других. В этом случае большое значение приобретали сведения, которые доставляли служилые люди, участвуя в различных поездках, посылках [19, с. 85–86; 23, с. 66]. Доставляемые сведения становились основанием для введения, отмены различных юридических норм, положений, в результате чего выстраивалась определенная логика в соподчиненности между различными юридическими документами. В течение первых десятилетий к 30–40 гг. XVII в. в этом отношении у царской администрации и служилого населения накопился определенный опыт. В этом можно убедиться посредством анализа соответствующего набора источников и отраженных в них событий.

Получаемые служилыми сведения часто обозначались в документах как «роспрос» или «допрос». Прежде всего это касалось царских грамот.

Сам факт «роспроса» был формой взаимодействия служилых и воевод, чему способствовала форма делопроизводства – «роспросные речи». Наличие «роспроса» – показатель исполнения служилыми обязательств, которые в силу правового статуса придавали «роспросу» характер повинности [10, с. 44, 94– 95, 97, 122]. Источником «роспроса» («допроса») были как письменные, так и устные сообщения.

В этом случае встают вопросы о соотношении норм различных документов, косвенно или прямо дополняющих расспросные речи, а также о соотношении статичности и динамичности в трактовке Москвой деятельности служилого населения. В 1641 году в Тобольске конному казаку Лариону Насонову перед посольской поездкой к калмыцкому тайше был выдан наказ, в котором были перечислены все необходимые инструкции, которые составлялись для посылок в рамках «посольского дела» и были частью обременительных и тяжелых посылок тобольских служилых [15, с. 256–257; 19, с. 85]. Причина посольства объяснялась нарушением контайши договоренности, что он не будет брать ясак с барабинцев [15, с. 18]. По окончании своего пребывания служилые отправились вместе с калмыцким послом Ургудаем, обратный путь с которым проходил через Барабу и Тару. По прибытии в Тобольск были составлены распросные речи, в состав которых могли войти и распоряжения наказа. В качестве доказательства приведем фрагмент: «...а что им, Ларке и Маметку приехав к контайше, велено говорить, и даны им ***речи, и теи речи вклеены в посольство выше сего***» [Там же, с. 260–261]. И хотя указание косвенное, но подобное вполне могло быть, так как в наказе Л. Насонову было предписано: «И будет Чокур тайша спрости про великаго государя царя и великаго князя Михаило Федоровича всеа Русии самодержца о его многолетнем здоровьи, и Ларьке говорить: Божьею милостию великой государь... дал Бог здорово. И поднести сукна, а говорити...» [Там же, с. 256]. Значит, когда Насонов вернулся и стал составлять речи, наказ также был использован. При этом в течение

© Тимохин Е. А., 2012

первой половины столетия «роспрос» так и не обрел устойчивой формы отображения в повествовательной части царских грамот. В сфере «посольского дела» этому сопутствовало отсутствие необходимых атрибутов дипломатических отношений. Так, в начале 40-х гг. XVII века отсутствовали переводчики калмыцкого языка, как в Тобольске, так и в Москве, что нежелательно сказалось на дипломатических отношениях с калмыцкими тайшами [Там же, с. 20–21, 276–279].

«Роспрос» мог выступать признаком, но не всегда. Статус «допроса» трактовался более значительно. Определенное значение имело и составление «доезда», который также фиксировал внешнюю характеристику поведения служилых. Здесь в свою очередь проявился и формальный аспект действий служилых - реализация распоряжений «розъезжать и росмотреть и проведать» означала составление «доезда»: «...и тюменской сын боярской Илья Бакшеев с товарыщи в поле на Исеть и усть Барневки реки ездили и, приехав, доезду своего подали мне в в съезжей избе доездную память, а в доезде у них написано...» [Там же, с. 325]. Описание доезда довольно общее, но *de jure* это было не так, доезды были более существенны по объёму и значению, притом, что доезды начала 40-х гг. XVII в. официально начинаются со ссылки на царский указ и наказную память: «Лета 7160-го сентября в 15-й день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по наказной памяти воеводы...» [15, с. 262, 308, 347; 16, с. 351]. Поведение же служилого могло выходить за рамки тех установлений, изложенных в тех же воеводских наказах, памятях. Схожие тенденции имели место и позднее.

В 1660 году в Тобольск прибыл стрелецкий сотник Н. Матвеев, по сведениям которого были составлены распросные речи о походе на калмыков Тарского сына боярского Ивана Макшеева. Источником сведений официально считался «допрос» сотника, сведения были изложены в расспросных речах, где отмечалось: служилые совершили поход без приказа воеводы («своею охотою»), за что и были после посажены в тюрьму [15, с. 38, 429–430]. Сведения, изложенные в «роспросе», имели место ранее.

В 1632 году произошел конфликт в бассейне рек Бия и Чумыш между служилыми и «колмаками». По мнению Айдара, автора допросных речей от 18 сентября 1632 года, служилые организовали поездку в ответ на провокацию Абака и его людей, которые «служивых людей подкараулили ниже Чулыму, за 10 ден до Чулыму, и говорили де те Абаковы люди сыну боярскому и служивым людем: приказывал де Абак, что живут де по Оби его Абакова улуса небогатые людишка для рыбные ловли, и они б де тех людей ничем не замали. Да Абак же велел говорит: для чево воеводы посылают в мою землю остроги ставить, а я де никаково задору з государевыми людьми не чинил и никакие де перед государем измены моей не бывало» [14, с. 396–397].

Таким образом «допрос» и «роспрос» были близкими по форме и стилю документами, которые в условиях конфликтов были связующим звеном между поведением служилых *de facto* и их отражением в описательной части царских грамот *de jure*, как это имело место в указанной царской грамоте в Томск в 1636 году, в годы, когда продолжался конфликт с киргизами, начавшийся ещё в начале столетия, о чём имеются сведения в челобитных служилых людей Томска 1610-х гг. [14, с. 61; 17, с. 433–441].

Первые столкновения с енисейскими киргизам начались ещё в начале XVII столетия и продолжались позднее, как отмечают С. В. Москаленко и С. Г. Скобелев, енисейские киргизы не хотели терять власть над кыштымами (подчиненное население), их, кроме того, поддерживали монгольские феодалы, и борьба с ними с перерывами продолжалась почти столетие, то есть до первых лет XVIII в., и была достаточно ожесточенной. В ходе продвижения к востоку от Енисея русские отряды столкнулись с тунгусами и бурятами, в 30-е – начале 40-х гг. XVII в. ожесточенные сражения имели место и в ходе присоединения Якутии [11, с. 25–54; 18]. Тем самым, «роспрос» и «допрос» как элементы юридической документации имели военно-политическое и дипломатическое значение в условиях российской колонизации края.

Таким образом, документы, проливающие свет на события 30-х гг. под Кузнецком, и речи Айдара стали отражением единичных событий, ставших очередным закономерным итогом предшествовавшего развития сибирского субконтинента. В Сибири же соединение нескольких типов политико-правовой организации общества имело специфические последствия. Как отмечает исследователь обычного права якутов А. А. Борисов, в «условиях российской колонизации нормы обычного права якутов не только сохранились, но и адаптировались в новой правовой и государственной системе» [1, с. 34].

Однако не только допросные речи Айдара в 30-е гг. иллюстрируют указанную тенденцию. Подобное имело место в Кузнецком уезде. 25 февраля 1634 года в съезжей избе кузнецкого воеводы Ф. Хоневого были составлены допросные речи кузнецких служилых людей, которые, помимо многочисленных свидетельств служилых, содержали и сведения о «договорных отношениях» служилых и ясачных людей: «Да кузнецкой же служилой человек Савка Панфилов сказал: как де он Савка был у Талая, ходил по государев ясак на нынешней на 142-й год, и тот де князец Талай говорил им Петрушке Дорофееву, Куземке Володимерову да ему Савке, чтоб де мне воевода прислал; будет ко мне зипуна не пришлют, и я де своим кыштымам, мрасским и кондомским ясачным людям, не велю государю ясак дать» [14, с. 410]. Наличие определенной договоренности мы не отрицаем, но, с другой стороны, в данное заявление больше похоже на требование. Тем самым взаимоотношения между аборигенными народами могли носить договорный характер, что не исключало наличия «ультимативных» положений, пересмотр которых сразу же порождал вооруженный конфликт между сторонами данных правоотношений. В данной речи наличие ссылки на нормы, предполагавшие соблюдение взаимных условий, косвенно указывает на два обстоятельства. В первом случае речь идет о взаимообмене материальными ценностями – «зипун» в обмен на «ясак», что

означало существование в условиях сибирского субконтинента развития между российской властью и местными народами не столько договорных отношений, сколько отношений вассалитета. Так, указанная норма отношений с русской властью в восточной части западносибирских уездов была похожа на союзнические отношения в Зауралье с башкирами в течение первой половины XVII в., вплоть до 60-х гг. столетия, так как царской власти была необходима помощь в борьбе с кучумовичами [13, с. 58]. Причины конфликтов коренились в различном понимании понятий подданства и вассалитета, а также в «буферном» характере самой территории колонизации Зауралья [4, с. 61; 12, с. 268; 13, с. 58, 63–64]. Различие в понимании отношений зависимости и власти были характерны в XV–XVIII вв. как для других районов Сибири, так и страны в целом [33, с. 134–197; 34, с. 124–138].

Отчасти и распросные речи того периода можно рассматривать и как показатель соотношения трактовки поведения и субъективных оценок коренного населения действий служилых, дьяков и воевод [15, с. 260–262, 328–329, 415–416, 429–430; 17, с. 591]. «Роспрос», будучи источником сведений о военных намерениях кочевников, тем самым органически являлся и организационным элементом проведения тех же походов, значимость которого оценивалась не меньше, чем оперативно-тактические приемы. В этом случае разнице между «роспросом» и «допросом» не придавалось значения.

Тем не менее, наличие «роспроса» - показатель соблюдения законодательства и норм обычного права, которые существовали в служилой среде. Но в этом случае можно констатировать определенную двойственность в обязанностях служилых. С одной стороны, обязанностей у служилых было немало (о чем свидетельствуют данные как дореволюционных, советских, так и современных исследований), причём самого разного характера, реализация которых зависела от многочисленных факторов [2, с. 5–11; 3, с. 286–293; 5, с. 74–86; 7, с. 73–86; 8, с. 138–139; 19, с. 84; 20, с. 38–62; 26, с. 4–9; 27, с. 39–48; 28, с. 57–65; 29, с. 10–14; 30, с. 16–18; 31, с. 4, 6–7; 35, с. 46–64]. Одними из наиболее обременительных и опасных, как полагает Н. И. Никитин, считались «отъезжие службы», но, с другой стороны, среди «служб» имелись и, с точки зрения исследователя, почетные «службы», которые чаще поручались служилым г. Тобольска в силу его политической значимости в дипломатических отношениях [19, с. 85–94]. В 1656 году в Тобольск поступила царская грамота, согласно положениям *dispositio* документа, тобольский воевода А. Буйносов-Ростовский был обязан построить двор в Тобольске для калмыкских послов, притом в обязанность служилых людей входила необходимость «быть у них караулу Тоболским стрелцом и казаком по вся дни, и тем беречь накрепко, чтоб Калмыцкие люди в Татарские юрты и к ним де Калмыцким послом Татаровя не ходили, и не о чем не говорили, и всякими товары не торговали, и никаких вестей им не сказывали...» [9, с. 93]. В документе прописывались только запреты, условия отмены данных запретов не были зафиксированы. Хотя, возможно, что условие отмены - это отъезд посольства из Тобольска. Ведь уже с начала столетия существовала практика отправки провожатых с послами обратно на родину [14, с. 257].

Позднее указанные сведения в 1657 году воевода передал в приводимой для иллюстрации памяти приказчику Нижненицынской слободы В. Дементьеву, предметом рассмотрения памяти было распоряжение собрать с пашенных крестьян 39 руб. 13 алтын на «дворовое дело», т.е. на строительство двора для Калмыкских послов [9, с. 93–94]. Как видно из повествовательной характеристики данных событий, почетность службы, которая была следствием центрального положения Тобольска, предполагала и весьма жесткую регламентацию отношений между служилыми людьми и членами посольств, т.е. определенную роль тех норм законодательства, которые в документах обозначались как «посольское дело». В то же время прослеживается и другая закономерность - распоряжение грамоты трактуется как признак поведения, т.е. как внешняя характеристика. Эта же закономерность прослеживается и в других уездах. Так, в 1644 году в памятях приказчику Ирбитской слободы Василию Муравьеву имеются прямые ссылки на царские грамоты как на источники норм памятей и на перенесение сведений о положениях *dispositio* царских грамот в информационную часть воеводской памяти: «...в государеве цареве и велико(а)го князе Михаила Феодоровича всея Русс(с)ии грамоте писано...» [25, д. 2, ч. 1, л. 18, 22, 26, 28, 30, 32, 33–35]. Основываясь на приведенных фактах, можно констатировать, что в русском законодательстве правовое поведение понималось и как динамическая характеристика, так как каждое положение царской грамоты, как правило, касалось решения конкретного вопроса, и как статическая характеристика. Так, в документах XVII в. имеет место неоднократный перенос автором фрагмента из одного документа в другой либо сходство в формуляре документов, формулировке положений из разных уездов, т.е. получается некоторое «копирование», но в этом случае представления о тех или иных действиях служилых людей, административных лиц «стандартизируются», рассматриваются как основополагающие [6, д. 28, л. 1 – 1 об.; 15, с. 280–281, 299, 326–328; 16, с. 375; 22, с. 40]. Такое же представление формировалось и о сибирском населении, так как с начала XVII в. сведения о нем могли переписываться из одного документа в другой: так, в 1604 году сведения о сибирском населении из наказа на строительство г. Томска были использованы для написания повествовательной части царской грамоты от 20 января 1604 года, сходство почти идентичное [22, с. 37; 32, с. 19].

Таким образом, характеристику деятельности служилых людей в нарративных элементах законодательных источников можно рассматривать как оценку их действий с «внешней» стороны. В результате можно констатировать, что различные законодательные акты первой половины XVII в. могут выступать источником, характеризующим правовое поведение служилого населения. Основные тенденции в оценке их

деятельности можно рассматривать как с точки зрения статичности их характеристик, так и динамичной составляющей. То есть служилый человек рассматривался в рамках правительственной колонизации двояко: в первом случае - как лицо, наделенное обязанностями, исполнение которых имело государственное значение, во втором случае – представитель многофункциональной группы населения, задачи и виды деятельности которой во многом зависели от конкретной ситуации.

Список литературы

1. **Борисов А. А.** Социальная история якутов в XVII – 50–х гг. XIX в.: общество, право, личность в условиях российской колонизации: автореф. дисс. … докт. ист. наук. Якутск, 2004. 43 с.
2. **Бродников А. А.** О витимском походе Максима Перфирьева // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв.: бахрушинские чтения - 2007: межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 2007. С. 5–11.
3. **Буцинский П. Н.** Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645 гг.): в 2-х т. Тюмень: Мандрика, 2003. Т. 2. С. 278–333.
4. **Вершинин Е. В.** Неверность «бродячих царевичей»: зауральское степное пограничье // Родина. 1998. № 1. С. 60–63.
5. **Внукова О. В.** Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI – начале XVII века // Россия и страны Запада: проблемы истории и филологии: сб. науч. трудов. Нижневартовск: Нижневарт. гос. пед. ин–т, 2002. Ч. 1. С. 74–86.
6. **Государственный архив Тюменской области** (ГАТО). Ф. И–47. Оп. 1.
7. **Дмитриев А. В.** Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века: монография. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008. 240 с.
8. **Дмитриев А. В.** Формирование полков «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. // Актуальные вопросы истории Сибири: третьи научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы конференции. Барнаул: Изд–во Алтайского ун–та, 2002. С. 138–139.
9. **Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею** (ДАИ). СПб., 1851. Т. 4. 448 с.
10. **История казачества Азиатской России**: в 3-х т. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. Т. 1. 321 с.
11. **История Сибири с древнейших времен до наших дней**: в 5-ти т. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 538 с.
12. **Кузеев Р. Г.** Особенности присоединения Башкирии к Русскому государству // Урал в прошлом и настоящем: материалы научной конференции: в 2-х ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 267–269.
13. **Менщиков В. В.** Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: монография. Курган: Изд–во Курганского гос. ун–та, 2004. 200 с.
14. **Миллер Г. Ф.** История Сибири: в 2-х т. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 2. 637 с.
15. **Миллер Г. Ф.** История Сибири: в 3-х т. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. 598 с.
16. **Миллер Г. Ф.** История Сибири: в 3-х т. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
17. **Миллер Г. Ф.** История Сибири: в 3-х т. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
18. **Москаленко С. В., Скобелев С. Г.** Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI – XX в. // Сибирская заимка (СЗ). 2001. № 2. С. 1–18.
19. **Никитин Н. И.** Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
20. **Оглоблин Н. Н.** Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII столетия // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1903. № 5. С. 38–62.
21. **Оглоблин Н. Н.** Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа: в 4-х ч. М., 1900. Ч. 3. 394 с.
22. **Первое столетие сибирских городов. XVII век** / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. VII. 191 с.
23. **Пестерев В. В.** Организация населения в колонизируемом пространстве: очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII в.: монография. Курган: Изд—во Курганского гос. ун-та, 2005. 237 с.
24. **Пузанов В. Д.** Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.): автореф. дисс. … д. ист. наук. М., 2010. 49 с.
25. **Российский государственный архив древних актов** (РГАДА). Ф. 1111. Оп. 1.
26. **Симачкова Н. Н.** Военные функции воевод западносибирских городов (конец XVI – начало XVII в.) // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень, 2001. Вып. IV. С. 4–9.
27. **Скульмовский Д. О.** К истории формирования сибирских гарнизонов (конец XVI – начало XVII в.) // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень: Мандр и Ка, 2007. Вып. IX. С. 39–48.
28. **Скульмовский Д. О.** Функции казаков сибирских городов и острогов на рубеже XVI–XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв.: межвуз. сб. науч. трудов. Нижневартовск: Изд–во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 57–65.
29. **Солодкин Я. Г.** Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень: Издательство Юрия Мандрики, 2001. Вып. IV. С. 10–14.
30. **Солодкин Я. Г.** Воеводы и письменные головы Мангазеи первой половины XVII века: новые материалы // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень: Издательство Юрия Мандрики, 2001. Вып. IV. С. 16–18.
31. **Солодкин Я. Г.** История Мангазеи в летописании XVII века // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень: Мандр и Ка, 2003. Вып. VII. С. 4–10.
32. **Томск в XVII веке**: материалы для истории города. Б.м., б.г. 169 с.
33. **Трепавлов В. В.** «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
34. **Трепавлов В. В.** «Большой хозяин»: русский царь в представлениях народов России XV–XVIII вв. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 124–138.
35. **Ульянова А. Е.** Функции сургутских казаков в конце XVI – XVI в. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв.: межвуз. сб. науч. трудов. Нижневартовск: Изд–во Нижневарт. пед. ин–та, 2005. Вып. 1. С. 46–64.

LEGAL BEHAVIOUR OF RUSSIAN SERVICEMEN POPULATION WITHIN WESTERN SIBERIA (THE FIRST HALF OF THE XVIITH CENTURY): TENDENCIES OF DEVELOPMENT AND INTERPRETATION ACCORDING TO LEGISLATION DATA

Evgenii Anatol'evich Timokhin
Department of Philosophy and History
Kurgan State Agricultural Academy named after T. S. Mal'tsev
doc2093@list.ru

The author reveals some of the features of servicemen population activity within Western Siberia in the first half of the XVIIth century, interprets them in terms of the legislation of the period under discussion, and pays special attention to the correlation of legal norms and regulations in various legal documents that define the character of serviceman activity in military-diplomatic, military-administrative and administrative-economic spheres.

Key words and phrases: servicemen population within Western Siberia in the first half of the XVIIth century; legal behaviour; static and dynamic nature of legal behaviour; features of legal behaviour; “interrogation”; “questioning”; interrogative speeches; tsar’s charter; colonization.

УДК [070.11+342.56](045)

В статье рассматривается роль средств массовой информации в поддержании авторитета правосудия. Автор анализирует особенности судебной журналистики, освещение судебной практики печатными СМИ Архангельской области, акцентирует внимание на проблеме доступа журналистов в залы судебных заседаний. В статье выявляются факторы эффективности произведений судебной журналистики в контексте повышения доверия населения к суду и причины того, что судебная тематика раскрывается в прессе недостаточно полно.

Ключевые слова и фразы: судебная журналистика; авторитет правосудия; транспарентность; судебная система; стереотипы; качество освещения судебных дел; взаимодействие судей и журналистов.

Ольга Владимировна Третьякова, к. полит. н., доцент
Кафедра журналистики
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
o.tretyakova@inbox.ru

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И АВТОРИТЕТ ПРАВОСУДИЯ©

Политическая и правовая культура современного российского общества немыслима без законопослушания граждан независимо от занимаемого ими положения: в демократическом правовом государстве закон обязателен для всех. Ориентация на соблюдение закона принимает устойчивый и массовый характер только при условии уважительного отношения как общественности, так и государства к суду и независимого положения последнего в системе органов государственной власти. Тем более важно повышать авторитет правосудия, укреплять доверие людей к суду, который способен утвердить в обществе одну из важнейших демократических ценностей – верховенство права.

Поддержание авторитета суда предусмотрено информационным законодательством ряда европейских стран и международными документами о правах человека. Так, ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает ограничение незыблемой ценности демократии – свободы мнений – в том числе и «для поддержания авторитета и беспристрастности судебных органов» [7, с. 10]. Это положение относится прежде всего к средствам массовой информации, роль которых в укреплении (или, напротив, умалении) авторитета правосудия, на наш взгляд, чрезвычайно велика. Рассмотрим факторы эффективности произведений судебной журналистики в контексте поддержания авторитета правосудия.

Социальная ценность правосудия заключается в том, что оно способно обеспечить законность и правопорядок в государстве, создать прочные гарантии прав и свобод личности. По мнению исследователей, «правосудие, несомненно, выступает в качестве фактора цивилизации, прогресса и обновления в обществе» [5, с. 226]. Без функционирования действительно самостоятельной и независимой судебной власти невозможны ни создание правового государства, ни демократизация и модернизация страны. Понятно, что суды могут приобрести авторитет прежде всего путем оперативного вынесения справедливых, законных и обоснованных решений. Но для того, чтобы судебная власть стала уважаемой и пользовалась доверием в обществе, ее решения должны быть доведены до широкого круга лиц. Смысл публичности (используют также понятия транспарентности, прозрачности, открытости, гласности) правосудия – не в удовлетворении любопытства. По мнению Европейского суда по правам человека, декларированному в решении по делу «Готрин и другие против

© Третьякова О. В., 2012